

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА. БАЛТИЯ

Майра Асаре

ЗОНА ВНЕ ВРЕМЕНИ

Майра Асаре

Зона вне времени

НП «Центр современной литературы»

Асаре М.

Зона вне времени / М. Асаре — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-084-6

Для русского читателя исповедь на тему лагеря, зоны или тюрьмы, в общем, не нова. «Do your own time», – советовал заключенному американский фантаст Нил Гейман: «Позаботься о своем собственном времени». Книга Майры Асаре – об интимном контакте со Временем в условиях личного конфликта со временем.

ISBN 978-5-91627-084-6

© Асаре М.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

Изолятор	5
Утро	5
Туман	7
Беседы в изоляторе I	8
Петелька к петельке	11
Беседы в изоляторе II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Майра Асаре

Зона вне времени

Изолятор

Утро

Что может быть здесь проще, чем рано поутру определить по ходу дела точное время. Уже рассвело, но все молчит пока, и без часов ясно – скоро шесть. Миг еще, и станет слышна суета дежурной на том конце коридора. В течение следующих десяти минут можно прочувствовать ту особую тишину, что больше как бы и не тишина, в ней нарастает напряжение едва проснувшихся людей, выпадение в действительность из сна и мечтаний. Пробуждение тут обставлено иначе, чем на воле, где человек просыпается с сознанием того, что – нравится ему или нет – сегодня его опять ждет, неважно – работа, учеба, дети, сад-огород – что-то стоит в планах, и пора вставать, потому как нужно идти, нужно быть и нужно делать. Здесь же просто попарно поднимаются веки, и взгляды уставляются в один и тот же потолок. За эти десять минут воздух резко уплотняется и в тишине ощутим его напор.

Наконец дежурная трогается с места, 6.00, и она, одну за другой открывая *кормушки*, каждый раз повторяет всё то же: «Женщины, подъем!» Там-сям наглеют – «не ори, слышу!» – она же притворяется, что не слышит и продолжает свой путь. Подъем, подъем, подъем, – а по-латышски так внушительно и рядом не звучало, можно смело утверждать, что *radjot* непереводим. Напряженная тишина лопается воздушным шариком, и за углом грохочет большая железная телега – стало быть, 6.10, и с кухни к нам едет завтрак, поднимается вполне серьезная суета. Прежде всего, пайка сахара и масла, хлеб, затем каша и чай. К 6.30 все распределено, и начинается день, никого особо не радующий. За ближайший час дежурная еще пару раз обойдет весь коридор, поглядит в глазки, поугрожает рапортом тем, кто до сих пор спит. Игнорировать священный, в общем-то, пункт дневного распорядка рискованно, это позволяют себе только дамы с четкой позицией мне-по-фигу-мороз – сидящие уже в который раз или же наоборот – в первый, но достаточно долго, чтобы обладать, как минимум, в своих собственных глазах, определенным статусом. Впрочем, к восьми все на ногах, поскольку в 8.00 утренняя поверка, и уже тут шуточки в сторону – в постели можно остаться лишь в том случае, когда ты умерла, ну, или близка к этому. Затем следует самый тягучий и тяжкий отрезок дня, когда ничего не происходит, когда лишь терпеливо ждешь, что вот наступит обед, прогулка, ужин, вечерняя поверка и тогда – слава Богу, и этот день прошел. Немного побороться с бессонницей, и всё. В списке дневных мероприятий постоянно это бесконечное бессмысленное ожидание. Бессмысленное не оттого, что ожидаемое не случается, но оттого, что ожидание здесь почти единственное возможное занятие – после поверки ждут обеда, после обеда – прогулки, потом – ужина, вечерней поверки, и при этом постоянно ждут писем.

Привет, мамуля!

Уже вечер понедельника. Ноги после тренировки нормальненько так болят. Субботний матч прошел отлично – меня поставили на игру, я много пасовала, получила одно предупреждение. Послезавтра нам снова играть с рижскими, вот тогда и поглядим.

Через неделю нам выдадут аттестаты. Оценки, скорей всего, приличные, только по рисованию не слишком. Ну, бабушка-то всегда считает, что могли быть еще лучшие. На выход-

ные ничего особо не планирую и никуда, наверное, не поеду. Жаль, что у Тебя нет свиданий. Письмо твое получила, приветы всем передала.

На прошлой неделе болело горло, была небольшая температура, две недели не ходила в школу, сейчас опять всё в порядке.

Все передают Тебе привет.

Вроде как всё.

Очень-очень люблю – ...

Туман

1

Только что был февраль, глядь – на дворе апрель,
в город входит туман, входит, тормозит,
приглядывается бесстрастно, как тает все, к чему
ни прикоснется, тает и течет, исчезает
и возвращается в белую беспредельность.
В первый день мы работали,
время от времени глаза поднимая к окнам,
а там был туман,
во второй день мы продолжали работать
и говорили один другому, мол,
туман – в нем нет ничего особенного.
Пока в тумане не растаяло время,
колокола и судовые сирены
по привычке имитировали его ход,
и у нас было на что положиться.
На третий день мы вышли проверить,
как много осталось от города вне влажной
туманной пасти.
На следующий день за завтраком
ты сказала: – Даже в такой туман здесь
нет необходимости думать о смерти.
Туман постоял за окном,
возможно, глядя на нас.
И рассеялся.

Беседы в изоляторе I

Внизу звякают ворота, рывкает автомобиль.

– Э, опять привезли кого-то.

– Невелика радость – попасть сюда в такое время. Лето, солнышко, и вот тебе на – пакуют и за решетку...

– Осенью того хуже – и так все мрачно и пасмурно, что хоть в петлю лезь, а тут еще суют тебя прямо в эту задницу. Я летом садилась, и ничего – по крайней мере, тепло и светло *boleje-тенеје*, а осенью, тьфу, *blin...*

– Да уж, прямо выть хочется.

– Ну, тебе круглый год выть хочется...

– А тебе самой – типа в радость?!

– Пошла ты... мне-то с чего выть – вот, дадут годик какой – и в начале мая: *ариведерчи Рома*, весь кайф только начинается, целое лето впереди.

– А дадут полтора?

– Успокойся, с моей статьей больше не дают! А, может, и того меньше, по-любому весной выйду. То-то хорошо будет по карманам шустрить – весной все слегонца того, в башке ветер, глазёшки в небо. О чем только думают, знай себе, чисть кармашки – никто и в ус не дует.

– Ну да, весной точь хорошо выйти отсюда – все цветет, все пахнет...

– Ай, не гони, тебе до балды в какое время выходить – так и так зальешь за углом зенки, все у тебя и запахнет, и зацветет!

– Да брошу я пить, завяжу, разве что пивасик...

– Скажи еще, безалкогольный, – у тебя ж на лбу написано – пятьдесят седьмая.

– Какая, к черту, пятьдесят седьмая?

– Была при советах такая статья в кодексе – алкоголизм, бродяжничество, тунеядство и еще какая-то там *hernja*, много за это не давали, но сажать сажали.

– Фу, не каркай! Вот выйду, вернусь домой, найду работу, мож и мужика еще подцеплю – нормального, тогда и заживу, хватит с меня говна и опавшей листвы.

– Как же, размечталась, будет тебе в твоей чангальской деревне и работа нормальная, и мужик нормальный *vdagonku*, не будет ни пить, ни морду тебе разбивать каждый второй день...

– Да не сойдуся я больше с пьяницей!

– Ха, там других и нету. Куда ты денешься, выйдешь отсюда – изголодавшаяся, лобешник проштемпелеван. Ясен пень, с алкашом поведешься и вместе с ним, чтоб не рехнуться, сама запьешь, покуда под мухой либо ты его, либо он тебя топориком – хрясть!..

– Да ну – брось!

– Чего – брось? Посмотри – вон, Ритка, неделю тому на зону пошла, вся сплошной струп – руки, лицо, спина. Ну, не выдержала и как хрястнула своего старика, хорошо еще, судья попалась душевная – впаяла только трояк с полтиной, а прокурор просил пять и надзор чуть ли не пожизненный. Ритка-то из ваших краев будет, из-под Прейли, что ли... Думаешь, она одна тут такая, – столько я за свои три срока их повидала, что терпят этот кошмар заради траха, а потом кто спяну, кто по трезвому возьмут, что сподручней, и ка-ак засадят, и знаешь что – попадают аккурат куда надо: чик – и готово... потом сидят тут и воют, морды опухшие, не разберешь – от ора или с поха.

– Так есть от чего...

– Да успокойся, радоваться надо, что одним говнюком на свете меньше и что жива осталась: лучше сюда, чем на кладбище... никто цветочков не поднесет.

– Мой-то старый рук, небось, не распускал.

– Так и так последний ублюдок твой старый, *blin*.

- Откуда ты знаешь, не видела ведь его никогда...
- Да Господи, зачем мне его видеть-то?! Ясное дело – не будь он убоженок и кретин, ты бы здесь, дорогуша, не куковала, понятно, а?
- Он и сам сидит...
- Хер с ним, пускай сидит, если попался, его дело, а что тебя за собой потащил – урод, самый настоящий.
- Так нас вместе и забрали.
- А был бы нормальный мужик, нашел бы для тебя *atmazku*, курица ты этакая, а то вообще не дал бы тебе вляпаться с ним ни в какую свою сраную аферу. Нормальные мужики, они в такие дела баб не впутывают. Если у тебя правильный мужик, ты сидишь спокойно дома, ждешь себе с горячим ужином и ничего про их гешефты не знаешь. Это его проблема – придумать, чтобы в доме всего хватало, тебе свою голову нечего ломать. Не хочет или не умеет работать – пусть делишки обделывает, но тебя за собой тащить – урод, притом конченный.
- Ну, а ты-то?
- Я-то? У меня, видишь ли, потому никого и нет, что я сама о себе забочусь и сама за себя сижу, коли придется, и голова не болит, и нервы никто не мотает, права свои не качает и кровь мою не пьет.
- Ладно-ладно, а секс? Только не говори, что тебе, молодой девке, ничего не надо.
- О, вот ты проблему создала! И вообще – секс есть секс, дело есть дело, одно с другим нечего мешать, уловила?
- А пить совсем не пьешь?
- Ненавижу быть пьяной. Так, иногда, с девчонками нюхнем на дискаче какого-нибудь порошка, чтоб уж оторваться по полной, и то редко. Мне по моей работе свежая голова нужна.
- И чем же ты занимаешься?
- А тем и занимаюсь, за что сижу – карманами, понятно?
- А... Что ты там изучаешь, в ящике своем?
- Странное дело, *blin*, эти ящики из-под бананов – тут тебе и шкаф, и книжная полка, и буфет, и кладовка заодно – все, что есть у тебя в этой жизни, входит в один сраный банановый ящик. Не думала никогда об этом? – вот, все твоё добро, добришко твоё, все влазит в один бэушный банановый ящик, который легко помещается под шконкой, и в любое время любой мент может сунуть в него свой нос, обшмонать и раскурочить любую твою драгоценность. Никогда раньше не думала, правда?
- Зачем еще какая-то кладовка? У меня и без нее все помещается
- Проехали. Не бери в голову.

Алло, Густик!

...Ты спрашивал, какая у меня здесь работа. По правде говоря, работенка такая, что Ты бы справился – изготавливаем всякие бумажные и картонные упаковки для продуктов – пакеты для муки, хлеба, соли и т.п. Пока мы еще в изоляторе, денег за работу не дают, только сигареты, чай или кофе. В день можно заработать 1-3 пачки сигарет, смотря по тому, какая работа. По сравнению с зарплатой на воле кажется до смешного мало, но тут это нормально – на еду, воду, свет, отопление и пр. денег ведь тратить не приходится. А главное, за работой и время идет быстрее.

К тому же мы вновь собрались хорошей компанией – помогаем друг другу, поднимаем настроение. Люди вокруг разные, оттого важно, чтобы рядом были те, с кем тебе хорошо, на кого можешь положиться. Ты, возможно, не понимаешь, что такое изолятор, что такое зона. Примерно так – когда человека только что арестовали, его дело еще не рассматривалось в суде и не вступил в силу приговор, его держат здесь, в изоляторе. Это значит, он почти все время проводит в своей камере, с другими камерами контакта нет. Короче, он заперт и под

усиленным наблюдением :). Когда из суда присылают бумагу о том, что приговор утвержден, переводят на зону. Она рядом, по тому же адресу, только в других зданиях, и там немного другие порядки. Большие свободы передвижения, контактов, ну, как-то так. Не знаю, что Ты из всего этого понял, лучше уж никогда ни о чем таком не знать. Ну, а на зоне есть другие работы, на других условиях. Думаю, в скором времени из суда пришлют мои документы, и я перейду на зону. Тогда узнаю, когда и как можно приезжать сюда на свидания, и обо всем Тебе напишу. Знаю наверняка, что детям разрешают свидания, конечно, в сопровождении какого-нибудь взрослого.

...На это Рождество мне отсюда пока никуда не выбраться. Потом – потом посмотрим, многое будет зависеть от моего поведения. До сих пор вела себя хорошо, грехов, т.е., нарушений у меня нет, и вообще отношения со всеми нормальные. Если получится так держать, могу надеяться на т.н. «условно-досрочное освобождение». Вместо пяти лет обойдусь какими-нибудь тремя и парой месяцев. Однако все это впереди, пока что продолжаю торчать в изоляторе. Не понимаю, неужели мой приговор от центра города до Ильгюциемса идет пешком через Зилупе, или как оно у них там делается?

Все остальное нормально и хорошо, стараюсь, по большей части, не унывать, и это мне удается. Всегда найдется, чего поделаться, поэтому нет времени грустить и «крыша не едет» :).

...Снова стану ждать Твоих писем, очень. Твои письма мне очень нравятся, и я буду еще писать.

Очень люблю – М.

P.S. Как Твои волосы – уцелели после всех проведенных Тобою экспериментов?

Петелька к петельке

1

Что они делают, когда окончен концерт? – Прощаясь у выхода, галантно шляпами машут, прежде чем разойтись, и музыка – звучит ли она в их шагах или плещется в светлых платьях и тех скурых фонарях, что затеплил вечер? И тенор – хлопнет кружку в кругу друзей или стопарь в одиночестве, в барчике, исполненном тишины, где печальная муха бродит по стойке, и баритон – сев в свою ласточку, помчит домой, обнимет жену, поглядит в телевизор, примет таблетку и ляжет спать, перед сном недвижно уставившись в потолок, и никто никогда не узнает, что он там видит, или же все они долгой цепочкой по крышам, мостам и башням города – петь а capella со звездами.

2

Некая рижская радиостанция выслала в ночь погулять саксофон – он сон мой надрезал и, вылизав рану горячим голубым языком, смеялся – попробуй сама, как ходят безногие, я мир из фу-фу строю снова, всё из голубого, ты мне будешь должна! С полпути, на пороге, он сгреб меня, мокрой заплаканной курицей бросив в окно – ты там глянь, не пора ли пробовать воздух, что в чреве моем стал стоном, смехом, всхлипом и крыльями?

3

Не слышала ничего, что щемило бы круче одинокого насвистывания в ночной тиши – словно зов, не верящий в отзыв, как простая такая весть – эй, слышишь, я здесь, я тот, кто свистит, сам-с-усам, у меня есть свирелька, свистулька, меня не увидишь, не потрогаешь, не пожалеешь, я сам, ничего мне ни дашь, ни возьмешь, вот сердце только

попридержи, я ножонкой сучу, по камушкам-
мушкам стучу, на макушке шапчонка, ау,
зову – не отзывайтесь, в осторожных кустах
придорожных возня – такова моя песенка,
есть я – нет меня, ух ты, сам себе сирота
я и матушка, вот не грусти только, я
крестный отец слепому туману, лодкам
в черных бухтах и каждому слову,
что пишешь на белых своих листах.

Беседы в изоляторе II

– Женщины, кому на прогулку – приготовиться через пять минут!
– Идешь гулять? Пошли – погода хорошая!
– Сигареты возьми.
– Сколько в камере? Пять? Сколько на прогулку – две? На проход. С собой ничего не брать. Стоять. Идем. Не разговаривать. Стоять. Не разговаривать, я сказала. Третий бокс. Препреждаю.

– Да знаем мы, знаем...
– Опять физкультурой займешься? Не надоело?
– Двигаться – хорошо.
– А в чем кайф – пурзаться, как пес на цепи в этой клетке. Хорошо, скамеечку поставили.
– Повернись-ка! Если нечем заняться, поддержи за щиколотки.
– Пресс станешь качать?
– Нет, *blin*, в гляделки с тобой играть. Ты бы поменьше нудила и ныла, а попробовала бы сама подвигаться. Тебе сколько лет?

– Ну, сорок пять.
– А выглядишь на все пятьдесят пять.
– Ну, ты даешь – брось... что, вот так хреново?
– Ну, типа – смотри сама, какой у тебя рост? – метр шестьдесят шесть, чуток больше?
– Метр шестьдесят восемь.
– А вес? Под центнер уже, а?
– Восемьдесят семь...
– Значит, как минимум, двадцать кило лишних. Все твои. А тебя все к скамеечке тянет... Двигаться нужно, а то от здешних каш и от хлеба *raznosit*, как сена копну, если не собраться. У тебя времени – море, так делай что-нибудь для себя, хотя бы выгляди как человек; когда выйдешь – уже плюс.

– Легко тебе говорить – ты молодая...
– А такое слыхала: человеку столько лет, на сколько он себя чувствует, ну, в таком духе, и – знаешь – что-то в этом есть. Пока сама себя не начнешь любить, другие не полюбят.
– В смысле?
– А, пустое. Двигайся давай, и всё. Для начала оторви свою задницу от чертовой скамейки и погуляй. А то мышцы атрофируются.

– Слушай, а как там на самом деле – на зоне?
– Уж точно не паскудней, чем здесь. Там хоть целый день ходить можешь, не надо сидеть в сырой вонючей камере, летом просто здорово – можно загорать, в мяч играть, если хочется. Ты вообще Бога моли, чтоб до зимы на зону перевестись, зимой тут до того хреново, не передать. Камеры гнилые, холодные, по стенам реально течет, а то и подмерзает, тряпье насквозь сырое. Не вопрос и тубер заиметь. На зоне не так бедово, там хаты получше.

– Ну, а люди?
– Чего люди? – такие же точно рожи, только все тусуются и всех видать. И там уж каждый точно сам за себя – ни на какую такую дружбу спецом не надейся. Так, перетереть – это да, всегда отыщется желающий по ушам поездить, но, ежели вдруг что – каждый сам за себя. И с болтовней этой повнимательнее – если хочется, слушай, что говорят, но сама болтай поменьше. Я, по крайней мере, так делаю, и всё пучком. И не думай, что все их рассказы – чистая правда. Дели пополам.

– А, ну... а на зоне дерутся?

– Случается, но редко. Тетки ведь не умеют тихо и аккуратно такие вещи улаживать – обязательно кричат и визжат так, что звон на всю зону. Пусть менты сами и не прибегут, зато всегда найдутся те, что видели, слышали и настучат за милую душу. День еще не кончился, глядишь: заводные девицы маршируют прямиком в карцер – им это надо? У всех дома дети, мужья, друзья, да и попросту, блин, домой хочется. Карцер – значит, про УДО можешь забыть практически навсегда, и хорошо, если к закрытым не переведут, тогда жопа.

– «Закрытые» что значит – обратно сюда?

– Нет же, у закрытых есть специальный корпус на зоне, как бы изолятор, их держат в камерах, выпускают только на работу, поесть и на прогулку – час в день.

– Там штрафники сидят?

– Частично да, у кого рапортов – не помню, сколько, но выше среднего, а еще те, кто пришел из изолятора, если пятой части срока без рапортов не смог отсидеть. Самое свинство в том, что оттуда нереально выбраться – менты каждое лыко в строку ставят. Слушай, ты уже приросла, словно гриб, к своей тупой скамейке или таки подвигаешься? Походи, что ли, быстрым шагом.

– А авторитеты и все эти законы зоны?

– Да забудь ты эти басни, это только у мужиков, у нас ничего такого, тут женская зона, поняла? Совсем всё по-другому. Нету ни авторитетов, ни законов особых, где ты всей этой фигни набралась? Может, прежде когда-нибудь так и было, но сто лет уж как сплыло. Женщины есть женщины, ни тебе законов, ни тебе авторитетов – каждая выживает любой ценой, и всё. Маломальские *ponjatki* – даже те не работают, ладно, если пара человек врубаются, что чего стоит, так им и без тюрьмы понятно, они обычно спокойненько сидят, не наезжают ни на кого, ага? Ну, о'кей, не въехала – со временем въедешь. Не дрейфь, здесь все такие же, как ты, бояться нечего, но и благовать особо не след.

– В принципе, то же, что и снаружи.

– А как иначе? Откуда же все здесь появляются, как не снаружи? *Davaj*, поддержи меня еще немного за щиколотки, пока есть время. Крепче сожми, не сломаешь! Вот, порядок.

– И давно ты так физкультурой занимаешься? С воли?

– Ха, на воле времени реально не хватало, надо было работать, тусить. Только тут и есть время.

– Пожалуй, завтра и я начну. Может, скину вес-то? А что бы ты хотела делать, будь у тебя выбор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.